

ИСТОРИЯ И МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРДОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья является частью исследования лексико-семантического поля «гордость» в диахронном и этноспецифическом аспектах и посвящена исследованию мотивационных особенностей единиц лексико-семантического поля «гордость» на различных этапах развития русского языка. Хронологическая стратификация мотивационных моделей, функционирующих в рамках лексико-семантического поля «гордость», позволяет отслеживать изменения представления о понятии «гордость» в сознании носителей языка.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; понятие «гордость»; мотивационная модель; история русского языка; внутренняя форма слова.

Данная статья представляет результаты исследования мотивационных особенностей лексико-семантического поля (ЛСП) «гордость» на различных временных этапах развития русского языка. Под ЛСП здесь понимается совокупность лексических единиц, имеющих общность денотата или значения, связанных парадигматическими и ассоциативными отношениями и имеющая специфическую структуру ядра-периферии [1. С. 99]. ЛСП в современном языкознании – инструмент описания лексической системы языка, позволяющий приблизиться через лексические данные к единицам ментального плана, увидеть специфику национального мировидения на определенном временном этапе.

В последние десятилетия достаточно глубокая разработанность понятия семантического поля в лингвистике позволяет исследовать ЛСП в различных аспектах, что, в свою очередь, приводит к значимым выводам не только в области лексикологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, но и этимологии, мотивологии [2–5]. Как показала практика ряда научных школ¹, рассмотрение ЛСП в историческом, мотивационном и этимологическом аспектах может привести к интересным результатам по исследованию эволюции картины мира носителя языка [3, 6, 7].

Мотивационный анализ позволяет определить признаки предметов и явлений, выделяемые в сознании этноса, что дает возможность самым непосредственным образом выйти на картину мира. Сочетание этимолого-мотивационного анализа с историческим позволяет определить степень изменчивости-устойчивости мотивационных моделей, действующих в составе ЛСП в истории языка, а также направление семантического развития этимологических гнезд, единицы которого формируют данное ЛСП [3].

Аксиологическая двойственность, а также культурная значимость понятия «гордость» обеспечивают интерес к репрезентирующим его единицам. Так, в последнее десятилетие особенное внимание было уделено функционированию понятия (концепта) «гордость» в русской и британской лингвокультурах при синхронном подходе (проведено исследование паремических единиц, маркирующих концепт «гордость», языковых метафор гордости, проведена реконструкция семантического центра концепта «гордость» в английском языке) [8–10]. В это же время в

последние 20 лет появились новые версии относительно этимологии рус. *гордый* и характера его генетических связей [11–13]. Однако представление ЛСП «гордость» в истории его развития с учетом данных всех форм национального русского языка до сих пор не проводилось. Вне поле зрения исследователей оставался также мотивационный аспект исследования данного ЛСП.

Как уже было отмечено, ЛСП подразумевает наличие в структуре ядра и периферии. Ядерными единицами являются те, что выражают понятие в более полном объеме, чем другие лексические единицы языка. В современном русском литературном языке ядром ЛСП «гордость» является прилагательное *гордый* и его дериваты. Данная единица двуоченна. Анализ лексикографических источников XX – начала XXI в. показал, что прилагательное *гордый* в современном русском литературном языке выступает в значениях ‘обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения’ (*гордый народ, гордая девушка*); ‘испытывающий чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-либо’ (*гордый предложением, гордый успехами*); ‘исполненный гордости; выражающий гордость’ (*гордый вид, гордый взгляд*); перен. ‘величественный, величавый’ (*гордые пальмы*); перен. ‘высокий, возвышенный’ (*гордый призыв*); ‘считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный’ [14. Т. 4. С. 296; 15. Т. 1. С. 332].

Семантический анализ дериватов *гордый* (*гордится, гордость, гордец, гордячка, горделивый, горделивец, гордыня*) показывает, что в рамках анализируемого словообразовательного гнезда (СГ) лексические единицы, выражающие понятие «гордость» как отрицательное качество, представлены в большем количестве². При этом анализ контекстов Национального корпуса русского языка [17] последнего двадцатилетия показал, что лексемы *гордый, гордость, гордиться* в большинстве случаев выражают положительную оценку со стороны субъекта речи.

В состав ЛСП «гордость» в современном русском литературном языке входят единицы 27 СГ, включая СГ с вершиной *гордый*, ЛСП «гордость» структурируется на субполя в соответствии с четырьмя значениями прилагательного *гордый*. Первая группа лек-

сем, соотносящаяся с основным значением прилагательного *гордый* 'обладающий чувством собственного достоинства', включает единицы *достоинство* (в значении 'сознание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе; внешнее проявление уважения к себе, сознания своей значимости' [15. Т. 1. С. 437]), *самоуважение*, *самолюбие* (и его производные). Ко второй группе принадлежат единицы с семантическим компонентом 'наличие причины, объекта гордости', что соотносится с ЛСВ *гордый* 'испытывающий чувство удовлетворения от сознания чьих-либо успехов'. Данные лексемы могут содержать как положительную оценку (сущ. *краса*, *украшение*, *жемчужина* 'украшение, слава чего-либо'; о том, кто / что является лучшим среди прочих и увеличивает ценность, значимость чего-либо' (*украшение общества*, *краса гимназии*)), так и отрицательную (*кичиться чем-л.* и его производные).

Третья группа соотносится с третьим ЛСВ *гордый* 'выражающий гордость' и включает такие лексемы, как *величавый* 'исполненный торжественной красоты, величия' [14. Т. 3. С. 396–397], *величественный* 'исполненный величия, торжественности, величавый; исполненный достоинства, важности' [Там же. С. 397] (с положительным оценочным компонентом), *важный* 'исполненный достоинства; величавый, гордый' [Там же. С. 296] и их производные (с отрицательным оценочным компонентом).

Четвертая группа включает лексические единицы, выражающие понятие «гордость, высокомерие, надменность» (также с отрицательной оценкой): СГ *надменный*, *высокомерие*, *спесь*, *кичиться*, *чваниться*, единицы *напыщенный* 'преувеличенно важный, кичливый' [14. Т. 11. С. 313], *амбиция* 'чрезмерное самомнение, самолюбие; спесь, чванство' [Там же. Т. 1. С. 179], *амбициозный*, *форс*, *барский* 'полный высокомерия' [15. Т. 1. С. 62], разг. *заянаться*, разг. *задаваться*, разг. *фанаберия* 'неуместная, неоправданная гордость; спесь, чванство' [Там же. Т. 4. С. 551], разг. *воображать* 'быть чрезмерно высокого мнения о себе' [14. Т. 3. С. 122; 15. Т. 1. С. 210], прост. *дуться* 'важничать, гордиться' [15. Т. 1. С. 454]), прост. *пыжиться* 'держаться чванно, важничать, кичиться' [Там же. Т. 3. С. 568].

Анализ мотивационных особенностей единиц ЛСП «гордость» современного русского литературного языка с живой внутренней формой выявил семь основных мотивационных моделей (ММ), действующих в составе данного поля:

1) 'гордость' < 'любовь, уважение субъекта к самому себе' (СГ *самолюбие*, *самоуважение*);

2) 'гордость' < 'представление субъекта о себе как о значимом и положительном элементе общества' (СГ *важный*, *достоинство* 'сознание своей значимости, самоуважение');

3) 'объект гордости' < 'представление об объекте как о наиболее значимом, выдающемся из группы подобных' (*жемчужина*, *краса*, *украшение* (в значении 'объект гордости')).

Единицы, образованные по данным ММ, несут положительную или нейтральную оценку. Исключе-

ния – прилагательные *важный* и *самолюбивый*, отличающиеся двойственностью оценки;

4) 'гордость' < 'мнимое чувство превосходства в чем-либо; неоправданное завышение своего положения (СГ *высокомерие*, *занестись*). По данной ММ образуются единицы с отрицательным оценочным компонентом;

5) 'гордость' < 'внешний вид, поведение субъекта, выражающие важность, значительность'. По данной ММ образуются лексемы с внутренней формой, указывающей на превышение нормы в размерах, в объеме (ср. *величавость*, *величавый*). В просторечии производящими единицами могут выступать слова, содержащие потенциальный семантический компонент 'пустота, полость' (ср. *пыжиться*, *дуться*), что подчеркивает бесосновательность притязаний субъекта качества. Аксиологический компонент единиц данной ММ – отрицательный;

6) 'гордость' < 'неадекватное своему действительному положению в обществе поведение субъекта' (малоупотреб. *бариться*);

7) 'гордость' < 'мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих' (разг. *заянаться*). Аксиологический компонент – отрицательный.

Анализ мотивационных особенностей единиц ЛСП «гордость» показывает, что в современном русском литературном языке сильна связь гордости с выделением субъекта своими характеристиками или внешним видом и поведением из группы подобных (по ней образуются единицы как с положительным оценочным компонентом, так и с отрицательным) (ср. ММ-3, 4). Также гордость осмысливается через семантику высоты, изолированности (ММ-), направленности чувств, мыслей и эмоций субъекта на себя, что проявляется в наличии таких словообразовательных компонентов, как префиксоид *само-* (*самолюбие*, *самоуважение*) и постфикса *-ся* у глаголов (ср. *кичиться*, *чваниться*, *заянаться*, *задаваться*). В русском литературном языке и просторечии продуктивна ММ, основанная на соотносении представлений о гордости с увеличением в объеме.

В русских диалектах прилагательное *гордый* и его дериваты также представляют ядерную часть ЛСП «гордость». Русские диалектные единицы СГ с вершиной *гордый* в большей степени выражают понятие «гордость» как отрицательное качество: зафиксированы лишь единичные случаи употребления диалектных единиц СГ с вершиной *гордый* в значениях, связанных с пониманием гордости как чувства собственного достоинства или чувства удовлетворения от сознания достигнутых успехов. Помимо этого семантика диалектных дериватов *гордый* выходит за пределы понятия «гордость» в понимании носителя современного русского литературного языка: единицы СГ с вершиной *гордый* в русских диалектах выражают другие качества характера, которые могут быть рассмотрены как смежные для гордости и высокомерия («дерзость; грубость», «упрямство; непокорность», «пренебрежение, презрение», «хвастливость», «крикливость,

вздорность; желание спорить», «вспыльчивость; гнев», «сердитость», «обидчивость», «угрюмость, необщительность» и др.), а также смежные понятию «чувство собственного достоинства», «величественность» и выражающие положительную оценку («спокойствие», «пышность, красота», «красота», «смелость» и др.). Также единицы СГ с вершиной *гордый* выражают понятие «сила, крепость» (о голосе, напитках) (дон. каз. *гордый* ‘насыщенный, концентрированный, крепкий (о жидкости)’ (*Гордая острая вотка, не пить нильзя...*) и «громкость» (*гордый* ‘громкий (о голосе)’). Характерной диалектной особенностью единиц СГ с вершиной *горд-* является их повсеместное употребление с положительной оценкой в свадебном дискурсе (*гордые* влад. ‘родственники и первые гости за свадебным столом’, нижегор. ‘гости на свадьбе со стороны жениха’, ворон. *гордой обед* ‘обед у жениха после венчания’, фольк. арх. *гордок-няжская* ‘при обращении к сватье’ и др.) [18. Вып. 7. С. 29–31; 19. Вып. 7. С. 99; 20. С. 355]).

В лексикографических источниках, кроме дериватов слова *гордый*, было обнаружено еще около 320 диалектных единиц (112 СГ), выражающих значение ‘гордость / гордыгорлиться’. Анализ диалектного материала показывает, что большинство из них содержит отрицательную оценку со стороны субъекта речи. Мотивационный анализ диалектных единиц позволил выявить основные семантические схемы номинации, которые укладываются в семь мотивационных моделей. Отметим, что для данной работы принципиально принятие того факта, что в естественном языке в процессе функционирования частотно наличие вторичных мотивировочных признаков [21. С. 92–94], поскольку в основании номинации обычно лежит не один семантический компонент исходной единицы, а совокупность, зачастую потенциальных, семантических компонентов. По этой причине некоторые единицы можно отнести к нескольким ММ одновременно.

В русских диалектах наиболее продуктивной является мотивационная модель, основанная на связи гордости с мнимой важностью субъекта, проявленной в поведении (по ней образовано более 30% диалектной лексики) (1). В рамках этой модели в русских диалектах выделяется еще три подмодели: самой продуктивной из них является «гордость» < ‘превышение нормы в объеме, в размерах (зачастую сопровождаемое внутренней полостью)’ (1.1) (казан. *дутик* ‘гордый, надменный, спесивый человек’) [18. Вып. 8. С. 274], перм. *пузыриться* ‘чваниться, важничать, спесивиться’ [Там же. Вып. 33. С. 116], вят. *расшепериваться* ‘заважничать, надуться, загордиться’ [Там же. Вып. 34. С. 324] и др. (около 13% всех диалектных единиц). Помимо этого продуктивна в русских диалектах подмодель, основанная на связи гордости с прямой осанкой, определенным положением головы, величавостью, неторопливостью и спокойствием движений субъекта («гордость» < ‘осанка / походка’ (1.2), 12%). По ней в русских диалектах образуются единицы как с положительным оценочным компонентом (напр., фольк. *постатный* ‘горделивый, красивый (о походке)’ [Там же. Вып. 30. С. 216], так и с отрица-

тельным (костр., перм., твер. *осаниться* ‘принимать гордый, надменный вид’ [Там же. Вып. 23. С. 352]; перм., урал. *здыморыл* ‘человек с большим самомнением; гордец, зазнайка’ [Там же. Вып. 11. С. 239], волог. *сдергоносаватый* ‘важный, чванливый, напыщенный (о человеке)’ [Там же. Вып. 37. С. 65] и др.). В русском просторечии аналогом этих диалектных единиц является фразеологизм *задрать нос* ‘зазнаваться’ [15. Т. 2. С. 509]. Единиц с подобной внутренней формой в русском литературном языке не зафиксировано.

Специфическим диалектным вариантом ММ «гордость» < ‘мнимая внешняя важность субъекта’ является подмодель, основанная на связи гордости с поведением птиц и домашних животных («гордость» < ‘поведение птиц, домашних животных’ (1.3), 12%): ср. урал *курун* ‘о надменном, важничавшем человеке’ (< *курун* ‘индюк’) [14. Вып. 16. С. 146]; ряз. *кочетком* ‘гордо, с независимым видом’ (< *кочет* ‘петух’) [18. Вып. 15. С. 131–132]; ворон. *конь-конем* ‘гордо, величаво’ [Там же. Вып. 14. С. 275]; пск., твер. *кудахтаться* ‘важничать, бахвалиться, хвастаться’ [Там же. Вып. 15. С. 396] и др.

Как и в литературном языке, в русских диалектах также функционирует ММ «гордость» < ‘завышенная самооценка субъекта, признание своего превосходства’ (2), представленная 11% проанализированной диалектной лексики. Мотивирующими для слов данной модели часто выступают единицы с семантикой высоты, возвышения: СГ *высокий* (*повысочеть* смол. ‘стать гордым, зазнаваться’ [Там же. Вып. 27. С. 279]; *высеха* твер., пск. ‘гордячка; надменная, надутая девушка или женщина’ [Там же. Вып. 6. С. 19]; *высота* смол. ‘гордость’ [Там же. С. 25–26]). В русских диалектах отдельную группу в рамках данной ММ образуют слова с корнем *крас-*. Мотивирующим признаком для этих единиц является представление субъекта о своем внешнем превосходстве (тул., помор. *красоваться* ‘важничать, гордиться’ [Там же. Вып. 15. С. 197–198], смол. *красовка* ‘величанье, важничанье; жизнь в довольстве, в неге’ [Там же. С. 198]).

Также в русских диалектах функционирует зафиксированная в русском литературном языке ММ «гордость» < ‘материальное благополучие / высокий социальный статус’ (3). К данной ММ относится 13% проанализированной диалектной лексики (волог. *забыряться* ‘зазнаваться, загордиться’ [Там же. Вып. 9. С. 273]; влад. *забарсить* ‘зазнаваться, стараться походить на барина’ [Там же. С. 246]; тамб., олон. *майориться* ‘важничать’ [Там же. Вып. 17. С. 305]). В диалектах, в отличие от литературного языка, единицы ЛСП «гордость» могут также содержать во внутренней форме отсылку к материальному благополучию субъекта (влад. *бархатница* ‘зазнававшаяся франтиха’ [Там же. Вып. 2. С. 122] < лит. *бархат*).

Таким образом, три модели мотивации являются общими для современного русского литературного языка и русских говоров. Помимо вышеназванных мотивационных моделей, в русских диалектах функционируют еще четыре, нехарактерные для русского литературного языка. Так, одной из самых продук-

тивных (более 14% проанализированной лексики) является ММ «гордость» < ‘самоизоляция субъекта от социума’ (4). Гордый стремится отделиться, обособиться от окружающих, он утверждает личную значимость и независимость, что само по себе противопоставлено идее русской соборности, а следовательно, отмечается говорящими как отклонение от нормы. В рамках этой модели выделяются три подмодели. В севернорусских говорах распространены единицы, внутренняя форма которых указывает на интерпретацию гордости как качества, затрудняющего коммуникативное взаимодействие с субъектом («гордость» < ‘трудность коммуникативного взаимодействия с субъектом качества’ (4.1). К таким единицам относятся яросл. *недоступный* ‘гордый, важничающий человек’ [18. Вып. 21. С. 32], смол., пск. *неподступный* ‘высокомерный, надменный’ [Там же. С. 114]), а также ряд лексем, внутренняя форма которых указывает на связь гордости с жесткостью, колкостью предметов (ср. смол. *острый* ‘дерзкий, заносчивый’ [Там же. Вып. 24. С. 90], влад., новг. *ершиться* ‘кичиться, важничать, чваниться’ [Там же. Вып. 9. С. 37]). Выделяются также единичные случаи (5–6%), когда внутренняя форма диалектных лексических единиц со значением ‘гордый / гордость / гордиться’ указывает на нежелание субъекта вступать в коммуникацию с окружающими, на его брезгливость и пренебрежение к окружающим (4.2 «гордость» < ‘брезгливость, игнорирование, пренебрежение’): *невзора* ‘надменный человек’ (*ленивый, непосесный, работяга, невзора-надутый*) [Там же. Вып. 20. С. 341]; перм. *невидим* ‘себялюбивый человек; эгоист’ [22. С. 355]). Среди диалектной лексики, выражающей понятие «гордость», фиксируется также ряд единиц с префиксоидами *само-* и *свое-* (забайк. *самкай* – ‘завзнавшийся, высокомерный человек’; яросл., арх. *самознай* ‘себялюбивый, хвастливый, высокомерный человек’ [18. Вып. 36. С. 87]; *самотный* бурят. ‘высокомерный; самолюбивый’ [Там же. С. 107]; прибайк. *своеумник* ‘упрямый, своенравный человек’ [Там же. С. 314]). В основе мотивации данных единиц лежит связь гордости с излишней самостоятельностью субъекта (4.3. «гордость» < ‘излишняя самостоятельность субъекта’).

Представление о гордости как об отрицательном, «неправильном» качестве человека отражается во внутренней форме диалектных единиц, образованных по ММ «гордость» < ‘неестественные телодвижения, мимика’ (5) (более 13%). В основе этих единиц лежат такие семантические компоненты, как ‘ломаться’, ‘наклоняться’, ‘корчиться’, т.е. семантика изменения первоначальной (естественной) формы чего-либо (гнуть, сгибать). Данная ММ особенно активно проявляет себя в северных диалектах (ср. волог. *залом* ‘гордый человек’, новг., твер., пск. *заломиться* ‘возгордиться’, новг. *ломаньнице* ‘важничанье, заносчивость’ [18. Вып. 21. С. 117–120], пск., твер. *сгибениваться* ‘ломаться, чваниться, важничать’ [Там же. Вып. 37. С. 16], пск., твер. *заверняй* ‘гордец’ (< *завернуться* ‘загнуть’) [19. Вып. 11. С. 63]); волог., перм. *кособениться* ‘важничать чваниться’ [18. Вып. 15. С. 112]).

Определение диалектоносителем гордости через особенности поведения субъекта отражается во внутренней форме единиц, образованных по ММ «гордость» < ‘желание выделиться внешне, обратить на себя внимание’ (6) (11% лексики). Данная ММ объединяет единицы, внутренняя форма которых указывает на особенности внешнего вида субъекта или его речевого поведения (ср. яросл., твер. *басить* ‘держаться гордо, важничать’ < *басить* ‘наряжаться, франтить’ [18. Вып. 2. С. 130]; волог. *базланить* ‘говорить напыщенно важно, свысока’ [Там же. С. 48] и др.).

В отличие от литературного языка в русских диалектах понятие «гордость» осмысливается также через другие черты характера, что отражается в функционировании в диалектах ММ «гордость» < ‘другие черты характера, особенности поведения (упрямство, наглость, жеманность, смелость)’ (7) (8%). В диалектах значения единиц, связанные с понятием «гордость», часто соседствуют со значениями, выражающими другие качества человеческого характера. В большинстве случаев «гордость» связывается со свойствами поведения, оценивающимися носителями языка негативно: наглость, угрюмость, нелюдимость, жеманство, упрямство, сложность характера (яросл. *мравный* ‘упрямый, самолюбивый, своенравный, с норовом’ (< *мрав* в значении ‘нрав’ [Там же. Вып. 18. С. 326]); олон., волог., тул., курск. *купороситься* ‘важничать, держаться нагло, заносчиво; куражиться’ [Там же. Вып. 16. С. 103–104] (< *купорос* на основе потенциального семантического компонента ‘вредный’); самар. *жеманный* ‘надменный’ [Там же. Вып. 9. С. 121]). Гордость в сознании носителя диалекта связывается также с храбростью, смелостью, на что указывает фиксация в вологодском фольклоре таких единиц, как *хоробриться* ‘гордиться’, *хоробро* ‘смело, храбро, гордо’ (*Удалой добрый молодец Не добро идет, не хоробро За столы за дубовые*) (по данным картотеки Словаря русских народных говоров).

Таким образом, анализ лексики, выражающей понятие «гордость» в русском языке, демонстрирует тенденцию к нарастанию положительной оценки в ЛСП «гордость» в литературном языке и существенное преобладание негативной оценки в русских диалектах: 90% найденной диалектной лексики со значением ‘гордость / гордый / гордиться’ содержит отрицательный аксиологический компонент.

Обращение к истории русского языка показывает, что в древнерусском языке прилагательное *гърдыи*, согласно лексикографическим источникам, обладало большим семантическим объемом, чем его аналог современного русского литературного языка. Так, в его семантической структуре зафиксированы значения ‘непокорный, дерзкий’, ‘высокомерный, надменный, кичливый’, ‘жестокий, губительный’, ‘суровый, безжалостный’, ‘страшный’, ‘славный, выдающийся’, ‘высокий, важный’ [23]. В структуре всего ЛСП «гордость», как и в семантическом поле прилагательного *гърдыи*, отрицательный оценочный компонент превалирует. Положительные коннотации отмечаются у единиц, выражающих значение ‘важность’, ‘величавость’.

Анализ семантических особенностей единиц ЛСП «гордость» в древнерусском языке указывает на то, что понятийная область гордости на исследуемом этапе развития языка была намного шире, чем в современном языке: гордость мыслилась не только как высокомерие, завышенная самооценка субъекта, но и как качество человека особенного социального статуса, способное проявляться в суровости, жесткости, жестокости субъекта. Гордость также связывалась с дерзостью, непокорностью субъекта. При этом гордость не мыслилась только как отрицательное качество, она связывалась также с какими-либо выдающимися характеристиками субъекта, с его отличностью от других подобных [23].

Проанализированный с точки зрения мотивационных отношений материал древнерусского позволил выделить шесть ММ, функционировавших в составе ЛСП «гордость» в древнерусском языке. Основные ММ представлены в статье [Там же]. Самыми продуктивными ММ в ЛСП «гордость» в древнерусском языке являются ММ (1) 'гордость' < 'мнимое чувство превосходства в чем-либо (в социальном положении, в мыслительной деятельности)' и (2) 'гордость' < 'внешний вид, поведение субъекта, выражающие важность, значительность'³. В рамках ММ 2 могут выступать единицы с семантикой 'превышение нормы в объемах, в размере' (*надъменныи, надыматися* [24. Т. 5. С. 139; 21. Т. 2. С. 283]), *величавыи* [24. Т. 1. С. 384–386]); 'осанка, внешний вид субъекта' (*кычливый* [Там же. Т. 4. С. 385], *высокошьявыи* [25. Т. 1. С. 452]); 'речевое поведение, выражающее стремление субъекта казаться важнее, значительнее' (*вельрѣчывыи* 'высокомерный, надменный' [24. Т. 3. С. 25]). Единичными примерами представлены ММ 'гордость / надменность' < 'обособление субъекта от социума вследствие ощущения превосходства над окружающими' (3) (*высокосердыи* (XI в.) [25. Т. 1. С. 452]); 'гордость / надменность < 'завышенная оценка значимости своего мнения, желания' (4) (*самохотие* (XIII в.) [Там же. Т. 3. С. 251–253]) (подробнее см. [23]).

На данном этапе новые данные, полученные сплошной выборкой из словаря XI–XVII вв., позволяют дополнить эти сведения о мотивационной структуре ЛСП «гордость» в древнерусском языке еще двумя ММ. Так, по ММ «гордость» < 'пренебрежение, отсутствие внимания' (5) образованы единицы с корневой морфемой *з(о)р-*: *позорство* 'гордость, высокомерие' (*Яко же отъиде позорствомъ отъ общения своего епископа, собе отлучить*) (XII в.), 'позор, бесчестье' (XVII в.) [26. Вып. 16. С. 126–127], *презоръ, презоръ* 'гордость, высокомерие' (*Сего ради удържая прѣзоръ до коньца одѣгия ся неправдою и нечѣстною своею*) (XI в.); 'пренебрежение, презрение' [Там же. Вып. 18. С. 232] и др. ММ 'гордость' < 'непокорность, дерзость, смелость' (6), представлена в древнерусском языке единицами *боуѣсть* 'высокомерие, тщеславие, заносчивость', *боуши* 'самонадеянный, кичливый' (XIII в.), *боуство* 1) 'хвастовство, заносчивость' (XII в.), *боуявый* 'высокомерный, надменный, утонченный' (XIV в.) [24. Т. 1. С. 323].

В XV–XVII вв. в структуре ЛСП «гордость» не происходит кардинальных перемен, однако в него включаются единицы СГ с вершиной *спѣсь* 'высокомерие, чванство, спесь'; 'вычурность, роскошь' (*вспѣсивство, спѣсивство, спѣсивый, спѣсь, спѣсть* и др.) [26. Вып. 27. С. 24], *заневѣдатися* 'заязниться, стать спесивым' (XVII в.) [Там же. Вып. 5. С. 250], *себевозношение* 'самоуверенность' (XVII в.) [Там же. Вып. 24. С. 8], *высокоречие* 'высокомерная, кичливая речь' (XVII в.) [Там же. Вып. 2. С. 253], *высокоревнитель* 'надменный, гордый человек' (XV в.) [Там же]. Таким образом, согласно лексикографическим источникам, с этого периода в мотивационной структуре ЛСП «гордость» начинает функционировать ММ 'гордость' < 'мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих' (*заневѣдатися*), у ММ 'гордость' < 'мнимое превосходство в чем-либо' появляется новый вариант: 'гордость' < 'мнимое превосходство, проявленное в речевом поведении субъекта'.

Кардинальные изменения в составе ЛСП «гордость» происходят именно в XVIII в., что, конечно, тесно связано с такими социально-культурными изменениями, как секуляризация, европеизация русской культуры, ослабление роли церкви. В это время в ядре ЛСП «гордость» (т.е. в СГ с вершиной *гордый*) появляются единицы, выражающие понятие «гордость» с положительными коннотациями (ср. *гордость* 'чувство собственного достоинства, самоуважения' [27. Вып. 5. С. 168]), а также выражающие понятие «гордость» как ситуативно обусловленное чувство превосходства (*гордость* 'кичливость, гордость за что-либо' [17]). Происходит разрыв связи данного СГ с понятиями «жестокость», «суровость», «страх» (при этом связь с понятием «дерзость, строптивость» сохраняется). В XVIII в. семантический объем СГ с вершиной *гордый* сужается до выражения понятия «гордость» в его современном понимании.

В связи с семантическими изменениями СГ с вершиной *гордый* в XVIII в. происходят значительные изменения в структуре всего ЛСП «гордость». В состав ЛСП включаются единицы с семантическими компонентами 'гордость', 'внутреннее чувство' и положительным оценочным компонентом: *достоинство, амбиция* (1) домогательство власти, властолюбие 2) 'честолюбие, славолубие'; 'чувство собственного достоинства' (*Амбиция не допустила их [оскорбленных] остаться без сатисфакции*); и 'высокомерие, заносчивость' (*Описать невозможно всех изряднейших качеств сего кавалера, который... не только никакой амбиции не имеет, но и напротив того весьма приятен*) [27. Вып. 1. С. 58].

Таким образом, в этот период в мотивационной структуре поля появляется блок новых ММ: 'гордый' < 'достойный, осознающий свои заслуги' (*достоинство*), 'гордый' < 'честолюбие, честь' (*амбиция*). Помимо этого в словаре XVIII в. фиксируются единицы *великолепствовать* в переносном значении 'гордиться, славиться чем-либо'), образованная по ММ 'гордость' < 'внешнее величие, красота'. В этот период ММ 'гордость' < 'пренебрежение, отсутствие внима-

ния', 'гордость' < 'непокорность, дерзость, смелость' снижают свою продуктивность (хотя сохраняются в диалектах). В субполе «гордость как отрицательное качество» существенно сокращается количество лексических единиц, принадлежащих ММ 'гордый' < 'выделяющийся мыслительной деятельностью'.

В XIX в. СГ с вершиной *гордый* сужает свою семантическую область, утрачивая связь с понятием «дерзость, непокорность». В остальном структура ЛСП «гордость» остается такой же. В это время в ЛСП «гордость» включаются заимствованная единицы *гонор* 'преувеличенное понятие о своей чести или достоинстве', 'ревнивое охранение своего достоинства в мнении посторонних людей' [28. Т. 1. С. 923]. Изменения происходят в мотивационной структуре субполя 'гордость, высокомерие'. Наиболее значительной новацией является появление единиц, образованных по ММ 'гордость' < 'стереотипное представление о поведении определенной социальной группы' (*барство* 'состояние, звание барина; сословие бар; все общие барские качества; хлебосольство; тороватость, властолюбие, тщеславие спесь и др.' [Там же. С. 123], *высокородничать* 'важничать' [Там же. С. 772]). ММ, основанная на связи гордости с превышением нормы в объеме и высоте, в XIX в. становится малопродуктивной: слова СГ с корневыми морфемами *высок* и *-вел-* уже не играют такой ключевой роли в построении ЛСП «гордость», как это наблюдалось на материале языка XI–XVII вв.

В XX в. общая структура ЛСП в русском литературном языке, а именно деление ее на субполя, остается такой же, что и в XIX в., однако в мотивационной структуре ЛСП появляется ММ 'гордость' < 'любовь, уважение субъекта к себе' (*самоуважение*). Сокращается продуктивность ММ 'гордость' < 'внешний вид или поведение, выражающее важность', 'гордость' < 'мнимое превосходство в чем-либо'. Из состава ЛСП уходят единицы, образованные по ММ 'гордость' < 'мнимое превосходство в мыслительной деятельности'. В просторечии фиксируется единица *воображать о себе*, образованная по ММ, основанной на связи гордости с неадекватной самооценкой субъекта.

Современные литературные и диалектные ММ, основанные на связи гордости с неоправданным чувством собственного превосходства субъекта, а также с его стремлением выглядеть значительно более представленными в языке с древнерусского периода. ММ 'гордость' < 'мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих' появляется в языке в великорус-

ский период и на протяжении всей истории русского языка не проявляет особой продуктивности. Появление литературной ММ 'гордость' < 'представление субъекта о себе как о значимом и положительном элементе общества' относится к XVIII в., когда понятие «гордость» начало осмысляться как чувство, оценивающееся положительно. ММ 'гордость' < 'неадекватное своему действительному положению в обществе поведение субъекта', функционирующая в русских диалектах и частично в русском литературном языке, берет свое начало в XIX в. Новацией литературного языка XX в. является появление в ЛСП «гордость» ММ, основанной на связи гордости с положительными чувствами, испытываемыми субъектом к самому себе (ММ 'гордость' < 'любовь, уважение субъекта к самому себе').

Диалектные единицы ЛСП «гордость» большей частью отражают мотивационные связи, возникшие в древнерусский и великорусский периоды. Так, например, мотивационные и семантические особенности диалектных единиц хранят следы древнерусской сочлененности понятий «гордость» и «непокорность, дерзость», «самоотделения субъекта от социума», а также «гордость», «храбрость» и «высокий социальный статус» (следы связи понятий «гордость» и «высокий социальный статус» сохраняются в диалектной свадебной обрядовой лексике). В великорусский период актуализируется связь гордости с изолированностью, с речевым поведением субъекта, которая остается актуальной в рамках русских диалектов. Специфическими в мотивационном плане диалектными единицами являются те, внутренняя форма которых указывает на связь гордости с неестественными телодвижениями и мимикой субъекта, а также с поведением домашних животных и птиц.

Для древнерусского периода особенно актуальной была связь гордости с мнимым превосходством субъекта в мыслительной деятельности, однако с XVIII в. эта связь ослабевает и в XX в. мотивационно уже не выражается. То же происходит с древнерусской ММ 'гордость' < 'завышенная оценка значимости своего мнения, желания': она теряет свою актуальность в XVIII в. В XVIII в. актуализируется связь между гордостью и честью, честолюбием субъекта, его внутренним достоинством. В современном русском языке связь понятий «гордость» и «внутреннее достоинство» сохраняется на мотивационном уровне во внутренней форме единицы *чувство собственного достоинства*, однако связь понятий «гордость» и «честь» мотивационно не маркируется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, московской под руководством Ж.Ж. Варбот, екатеринбургской (Е.Л. Березович, М.Э. Рут и др.).

² Это объясняется существующей в языковом выражении асимметрией положительного и отрицательного: средства выражения отрицательной оценки всегда представлены в языке многообразнее и богаче, чем положительной [16. С. 19–21].

³ В статье [23] две эти ММ рассматриваются как варианты одной модели «гордость» < 'внешне подчеркнутое превосходство над чем-либо'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
2. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–40.

3. Варбот Ж.Ж. Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26–28 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 53–56.
4. Хелемендик А.В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля 'ругать(-ся)' в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 206 с.
5. Мельникова С.А. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–25.
7. Варбот Ж.Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1995. № 4. С. 60–65.
8. Малахова С.А. Образная составляющая концепта «гордость» / «pride» в русском и английском поэтическом дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 163–169.
9. Попова Н.В. Отражение саморефлексии человека в британской лингвокультуре (на примере концепта гордость) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 201 с.
10. Мурашов Р.З., Самигуллина А.С. Метафорические модели гордости в британской лингвокультуре: корпусно-ориентированный подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 68–65.
11. Кретов А.А. «Гордый»: славянская этимология // Этимология 2006–2008 : сб. ст. / Ж.Ж. Варбот (отв. ред.) ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М. : Наука, 2010. С. 115–134.
12. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // Этимология. 1988–1990 : сб. ст. / Трубочев О.Н. (отв. ред.) ; Ин-т рус. яз. РАН. М. : Наука, 1993. С. 52–57.
13. Kralik L. Urslawisch *gъrdъ und seine baltischen Parallelen // Studia etymologica Brumensia. Praha, 2000. P. 305–309.
14. Большой академический словарь русского языка / К.С. Горбачевич, А.С. Герд. (гл. ред.). М. ; СПб. : Наука, 2004–2013. Т. 1–22.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / А.П. Евгеньева (ред.). 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2015).
17. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
18. Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов (гл. ред.). М. ; Л. : Наука, 1968–2013. Вып. 1–45.
19. Псковский областной словарь с историческими данными / Санкт-Петербургский государственный университет, межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина. Л., 1967–2009. Вып. 1–21.
20. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
21. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007.
22. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / О.П. Беляева (сост.). Пермь, 1973.
23. Кузнецова О.А. Мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в древнерусском языке // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 26–29.
24. Словарь древнерусского языка : в 10 т. / Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько (гл. ред.). М. : Рус. яз., 1988–2013.
25. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский (сост.). Репринт. изд-е. М., 1989.
26. Словарь русского языка XI–XVII веков / Ин-т рус. яз. РАН. М. : Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
27. Словарь русского языка XVIII века / Ин-т лингвист. исслед. РАН. Л. : Наука, 1984–2013. Вып. 1–20.
28. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Б. де Куртене (ред.). 4-е изд., испр. и доп. СПб. ; М., 1912. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июня 2015 г.

HISTORY AND MOTIVATIONAL STRUCTURE OF THE LEXICAL SEMANTIC FIELD “PRIDE” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 10–17. DOI: 10.17223/15617793/395/2

Kuznetsova Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.kuz.89@gmail.com

Keywords: lexical-semantic field; concept “pride”; motivational model; history of the Russian language; word inner form.

This article is a part of the study of the lexical-semantic field (LSF) “pride” in the diachronic and ethnospecific aspects and deals with the study of motivational features of the LSF “pride” units at different stages of the Russian language. The field motivational analysis allows identifying the features of objects and phenomena existing in an ethnos’s mind, which gives an opportunity to see the world-image of an ethnic group. Chronological stratification of the motivational models operating within the LSF “pride” allows watching how the concept “pride” changes in the minds of language bearers. The research is conducted on the data of lexicographical sources, as well as data of the National Corpus of the Russian language. In the modern Russian literary language, six motivational models operate in the LSF “pride”. Lexicographical sources and corpus data analysis shows that some of them are presented in language since the Old Russian period. They are motivational models based on connection between pride and unjustified subject’s sense of superiority (comp. *arrogance*) and between pride and subject’s desire to look more important (comp. coll. *to swagger*). The modern colloquial motivational model “pride” < ‘intellectual activity of the subject forming an inadequate understanding of oneself and others’ (comp. *to overween*) began to operate in the 15th – 16th centuries. The emergence of the literary motivational model ‘pride’ < ‘subject’s notion about him-/herself as a significant and positive element of society’ (comp. *dignity*) refers to the 18th century, when the concept “pride” began to be interpreted as a feeling evaluated positively. The MM “pride” < ‘subject’s behavior irrelevant to his/her actual social position’ originates in the 19th century (comp. *self-esteem*). The dialectal LSF “pride” mostly reflects the motivational connection of the Old Russian and Great Russian periods. For instance, motivational and semantic features of dialectal units preserved the Old Russian connections between concepts “pride” and “recalcitrance, insolence”, “subject’s self-isolating from society”, “courage” and “high social status”. Lexis motivational analysis shows that dialect connections between pride and self-isolation as well as specific speech behavior were actualized in the Great Russian period. A part of motivational models that operated in LSF “pride” earlier are not presented in modern language. In the Old Russian period, the connection between pride and imaginary intellectual superiority was particularly relevant, but from the 18th century, this relationship weakened and already in the 20th century this connection was not expressed motivationally. The same happened to the Old Russian motivational model “pride” < ‘overestimation of the importance of one’s opinions, desires’: it lost its relevance in the 18th century.

REFERENCES

1. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. 352 p.
2. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on etymology and semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. V. 1, pp. 19–40.
3. Varbot J.J. [Experience of the historical and etymological study of lexical-semantic fields in a seminar on the Russian etymology]. *Slavyanskije yazyki i literaturny v sinkhronii i diakhronii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Slavic languages and literature in synchrony and diachrony: Proceedings of the international scientific conference]. Moscow, 2013, pp. 53–56. (In Russian).
4. Khelemendik A.V. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya 'rugat'(-sya)' v russkom yazyke*: dis. kand. filol. nauk [Genetic characterization of the lexical-semantic field 'curse' in the Russian language. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 206 p.
5. Mel'nikova S.A. *Motivatsionnaya i geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya "sila, zdorov'e / slabost', bolezni" v russkom yazyke*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Motivational and genetic characterization of the lexical-semantic field "strength, health / weakness, sickness" in Russian. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 26 p.
6. Berezovich E.L. K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley [On ethno-linguistic interpretation of semantic fields]. *Voprosy yazykoznanija*, 2004, no. 6, pp. 3–25.
7. Varbot J.J. Morfo-semanticheskoe pole leksemy v etimologicheskome slovare i vozmozhnosti ego rekonstruktsii [Morpho-semantic field of a word in the etymological dictionary and the possibilities of its reconstruction]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka*, 1995, no. 4, pp. 60–65.
8. Malakhova S.A. The metaphorical component of the concept "pride" in Russian and English poetic discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 163–169. (In Russian).
9. Popova N.V. *Otrazhenie samorefleksii cheloveka v britanskoy lingvokul'ture (na primere kontsepta gordost')*: dis. kand. filol. nauk [Reflection of human self-reflection in the British linguoculture (on the example of the concept "pride")]. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 201 p.
10. Murzasov R.Z., Samigullina A.S. Metaphorical Models of PRIDE in the British Linguistics and Culture: a Corpus-Based Approach. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 10 (301), pp. 68–65. (In Russian).
11. Kretov A.A. "Gordyy": slavyanskaya etimologiya ["Proud": Slavic etymology]. In: Varbot J.J. (ed.) *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Moscow: Nauka Publ., 2010, pp. 115–134.
12. Petleva I.P. *Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike. XVII* [Etymological Notes on Slavic vocabulary. XVII]. In: Trubachev O.N. (ed.) *Etimologiya. 1988–1990* [Etymology. 1988–1990]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 52–57.
13. Kralik L. *Urslawisch *g"rd" und seine baltischen Parallelen*. In: *Studia etymologica Brumensia*. Prague, 2000, pp. 305–309.
14. Gorbachevich K.S., Gerd A.S. (eds.) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of Russian]. Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–2013. V. 1–22.
15. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 v.]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.
16. The Russian National Corpus. Available from: <http://ruscorpora.ru>. (Accessed: 12.01.2015). (In Russian).
17. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p.
18. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1968–2013. Is. 1–45.
19. *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast Dictionary with historical data]. Leningrad – St. Petersburg: St. Petersburg (Leningrad) State University Publ., 1967–2009. Is. 1–21.
20. Malecha N.M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaiskikh) kazakov: v 4 t.* [Dictionary of dialects of Ural (Yaik) Cossacks: in 4 v.]. Orenburg: Orenburg. kn. izd-vo Publ., 2002–2003.
21. Blinova O.I. *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007.
22. Belyaeva O.P. *Slovar' govorov Solikamskogo rayona Permskoy oblasti* [The dictionary of dialects of the Solikamsk area of Perm region]. Perm: Perm State Pedagogical University Publ., 1973. 706 p.
23. Kuznetsova O.A. Motivational structure of lexical-semantic field "pride" in the Old Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 375, pp. 26–29. (In Russian).
24. Avanesov R.I., V.B. Krysko (eds.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka: v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language: in 10 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1988–2013.
25. Sreznevskiy I.I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Dictionary of the Old Russian language]. Moscow: Kniga Publ., 1989.
26. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975–2008. Is. 1–28.
27. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1984–2013. Is. 1–20.
28. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 4th edition. St. Petersburg; Moscow, 1912. V. 1.

Received: 11 June 2015